

Кем быть?

Если честно, по профессии я хочу быть счастливым. Хочу, чтобы работать было интересно, а результат получался прикольный. Чтобы во взрослой жизни ходил я на работу с желанием продолжить и закончить начатое. А домой возвращался с желанием продолжать домашнее счастье, чтобы никогда оно не завершалось.

Я думаю, счастливым был и сам Господь Бог, потому что отделил воду от тверди — и самому понравилось: «И увидел он, что это — хорошо!» А уж когда развесил подсветку и главное освещение, то и вовсе возрадовался: «И было хорошо». Вообще всё, что он создал, действительно удивляет продуманностью и любовью ко всему. Потому что он — Создатель. А созидать без любви никак не получается: без нее можно только разрушать.

Я к чему это всё? А к тому, что он и нас создал после полного формирования «окружающей среды». И создал по своему образу и подобию, т.е. скопировал с себя мини-создателей. Которые не такие уж «мини», если придумали мельницу на горной речке или пульт для запуска космических кораблей.

А я вот хочу создавать здания, которые будут школами или жилыми домами, заводами или дискотеками. Можете себе представить, что не было ничего, был замусоренный пригорок — и вдруг вырастает красавец, как наш Матенадаран? А по фасаду, как укоризна всем, у кого глаза в телефоне, стоят строгие мудрецы древности. Или напротив нашей школы, и тоже на пригорке, — другой архитектурный шедевр, Национальное собрание. На них сколько ни смотри — всегда интересно и приятно. Как люди Страны камней, как иногда называют Армянское нагорье, армяне — лучшие строители и архитекторы. Здесь, в Армении, куда ни поедешь, найдешь шедевр архитектуры, будь то средневековые церковь Нораванк и Татевский монастырь, древние крепости Амберд и Эребуни. С нее-то, с крепости Эребуни, и началась история Еревана почти 2700 лет тому назад.

Но ведь по всему миру сохранились материальные и летописные свидетельства того, что армяне строили в Киеве и Кракове, Иерусалиме и Багдаде, во Львове и в Кишиневе. А после Великой Отечественной войны зодчий Алабян заново построил лежавший в руинах героический Сталинград. За эту битву родственник моей прабабушки получил орден Ленина. И такой же орден — Каро Алабян, но уже за восстановление города-героя. Есть что-то общее и в этих двух профессиях, потому что в обоих случаях это борьба с хаосом, который несет враг. Борьба за гармонию, которая некогда царила тут, и обязательно должна остаться.

Когда давным-давно я строил башни из кубиков и фазенды из «лего», то наверняка готовил себя к будущему. А сейчас, выходя из подъезда и пройдя шагов двадцать, я упираюсь в фигуру Александра Таманяна. Он стоит над генеральным планом задуманного им города-сада, на месте, где некогда и вправду был персиковый сад, и грустно улыбается. Я бы на месте гениального зодчего еще и потряс кулаком. Но, как и все мои сверстники, я уверен, что все ошибки можно исправить, из ничего сотворить нечто, и всё — в наших силах.

Создавать здания — это как бы уподобляться Создателю: вот не было ничего — и появилось. И появилось не то, что сейчас втыкают где попало, а появилось с любовью к нашему городу, народу и человечеству. Словом, если я выбрал себе такую профессию, как архитектор, то думаю, что моя работа прибавит в этом мире счастливых: они будут смотреть на мои школы, заводы и дискотеки и будут думать: «И это — хорошо!». И сами захотят создавать что-то — да хоть поющие самокаты — и мир станет чуточку лучше.

Эдвард Хачиян, IX¹